

УДК 947 (574/575)

А.М. Илюшин, Г.А. Капекова

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ СЕМИРЕЧЬЯ

Семиречье (по-казахски, Джетысу; от *жети* – семь и *су* – вода) располагается в юго-восточной части Республики Казахстан, между озёрами Балхаш на севере, Сасыколь и Ала-коль на северо-востоке, хребтом Джунгарского Алатау на юго-востоке, хребтами Северного Тянь-Шаня на юге. Название происходит от семи главных рек этого района – Или, Карагат, Бисен, Аксу, Лепса, Баскан, Сарканд. В исторической литературе Семиречьем часто называют более обширную территорию, которая включает, кроме названной, также долину р.Чу. Семиречье – один из районов древней цивилизации Средней Азии. Здесь жили племена саков (I тыс. до н.э.), усуней (II в. до н.э. – V в. н.э.). В середине 6 века здесь образовался Западно-Тюркский каганат, а в VIII веке государства тюргешей (до 758 г.) и карлуков (766-940 гг.). В конце X в. Семиречье вошло в состав государства Карабаннедов, а с 30-х годов XII века – государства Каракитаев. В начале XIII века Семиречье было завоёвано монголо-татарами. В XVI веке на территории Семиречья образовался казахский Старший жуз. С середины XIX века Семиречье вошло в состав России и на его территории в 1867 году была образована Семиреченская область, переименованная в 1922 году в Джетысуйскую [5, с.240; 7; 8].

При советской власти территория Семиречья первоначально на основании решения V съезда Советов Туркестанского края от 30 апреля 1918 г. входила в состав Туркестанской Советской Автономной Республики в составе РСФСР. Однако, уже 11 мая 1918 года при Наркомате по делам национальностей РСФСР был образован Ка-

захский отдел, а 10 июля 1919 г. В.И. Ленин подписал декрет «О революционном комитете по управлению Киргизским (Казахским) краем». Еще через год 26 августа 1920 г. ВЦИК и Совнарком РСФСР приняли декрет «Об образовании Автономной Киргизской (Казахской) Социалистической Советской Республики» [7, с.523]. Дальнейшие кардинальные перемены в национальном строительстве произошли в 5 декабря 1936 г., когда наряду с принятием новой ("сталинской") Конституции СССР, было конституционно закреплено создание на территории Средней Азии пяти союзных республик – Казахской, Киргизской, Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР (ранее бывших автономиями РСФСР). Именно это решение формально закрепило право народов на национальное самоопределение и позволило в конце XX века среднеазиатским республикам распавшегося СССР стать независимыми государствами.

В 1921-1929 гг. экономика РСФСР и СССР переживала период нэпа, в ходе которого государство временно отошло от тотальных административно-командных методов, пошло на частичное разгосударствление экономики и допуск мелкой и средней частнокапиталистической деятельности. Считается, что эти изменения экономической политики на территории всей страны в 1921 г. были вызваны, прежде всего, отторжением обществом политики "военного коммунизма", оправдавшей себя в самый разгар гражданской войны (1918–1920), но оказавшейся неэффективной при переходе страны к мирной жизни.

Эта ситуация была харак-

терна и для Семиречья, где с 1917 по 1920 гг. число скотоводческих хозяйств сократилось на 22 %, а скотоводческое население на 22,73 %. В уездах, наиболее сильно пострадавших от голода, народонаселение скотоводческого аула претерпело еще большую убыль. Так, в Лепсинском уезде численность хозяйств сократилась почти на половину – 49 %, а население – на 40 %. В Верненском уезде массив хозяйств уменьшился на 22 %, а население сократилось на 26 % [10, с.25-26]. Характерно, что в этот период произошел рост численности оседлых казахских хозяйств: в Верненском уезде на 40,6 % и в Капальском – 23,6 % [10, с.26]. «Бестоварная утопия» усилила экономический кризис. О его масштабах говорило повсеместно развернувшееся движение крестьянства, на флагах которого были выписаны лозунги неприятия большевизма и его «военно-коммунистических» акций. Стоял вопрос: «смогут ли большевики удержать политическую власть?»

Первыми шагами нэпа на всей территории советского государства были:

- замена продразверстки в деревне продналогом;
- отмена трудовой повинности (труд перестал быть обязанностью и стал свободным);
- постепенный отказ от распределения и внедрение денежного обращения;
- частичное разгосударствление экономики (отказ от командно-административных методов управления).

НЭП, как качественно трансформированная политика, «врвался» фактически во все сферы экономической жизни молодого советского общества (неизбежно способствуя при

этом некоторой либерализации общественно-политических реалий). Однако она в первую очередь была ориентирована на село. К этому обязывало то, что структура производительных сил имела ярко выраженный аграрный характер, а самым массовым агентом экономических отношений выступало именно крестьянство, явившееся в то же время и самым массовым антагонистом политики власти в период "военного коммунизма".

Основным элементом нэпа стал переход от продразверстки к продовольственному налогу. 21 апреля 1921 г. ЦИК Советов Туркестанской АССР, руководствуясь установкой центра, принял соответствующее постановление. Однако в Семиречье «выколачивание» продразверстки с явного поощрения Москвы продолжалось до середины мая. И только лишь 15 мая 1921 г., т.е. по прошествии более двух месяцев после издания «продналогового» декрета ВЦИК и СНК РСФСР, Семиреченский обком партии Туркестана, Областной ревком и Продовольственное совещание издали распоряжение о введении продналога. В нем, в частности, говорилось: «...Продовольственную кампанию 1920 г. по заготовке всех родов продуктов прекратить с 15 мая. Дальнейшую заготовку планируется проводить в порядке продовольственного налога. Предлагается разрешить свободную продажу и покупку всех продуктов для личного потребления... Гужевая и вьючная перевозка продуктов в пределах Семиреченской области объявляется совершенно свободной» [12].

С этого момента крестьянство Семиречья включалось в сферу налоговых отношений, формальным основанием для которых являлось то, что в результате национализации весь земельный фонд являлся собственностью государства, а крестьяне выступали лишь землепользователями. Причем, ес-

ли в Казахской АССР, согласно декрету СНК РСФСР от 14 июня 1921 г. «О натуральном мясном налоге», кочевое и полукочевое население освобождалось от налога на мясо и шерсть, то казахские скотоводческие хозяйства Семиречья облагались им [17, с.51].

Смысл продналога, как инструмента мобилизации производственной активности крестьянства, заключался в том, что он носил характер фиксированных платежей, размер которых декларировался заранее и устанавливался на уровне примерно вдвое меньшем, чем при разверстке. Если разверстка на хлеб, начисленная на Семиреченскую и Сырдарьинскую области, выражалась в 1920 г. в размере 11,4 млн. пудов, то продналог 1921 г. – около 6 млн. пудов.

Решение о продналоге было принято весной, т.е. перед началом посевых работ, с тем, чтобы сельский производитель, зная, что конфискации по разверстке будут заменены налоговыми квотами, расширил площадь посевного клина. В Семиречье же, как уже отмечалось, это распоряжение вышло лишь в середине мая. Поэтому крестьянин, опасаясь произвола прошлых лет, вновь ограничился сугубо потребительскими посевами, хотя и большими, чем в предшествующие посевые работы.

Еще с весны 1921 г. был образован областной посевной комитет, уездные, волостные и сельские посевкомы. До мест были доведены разверстки по посевным площадям. Тем не менее время было упущено и эффект продналога оказался менее значительным, чем это ожидалось.

Так, в Верненском уезде площадь засева по отношению к разверстанным планам составила лишь 51 %, Лепсинском – 38,5, Джаркентском - 72,4, Капальском - 78,8. И все же по отношению к «военно-коммунистическому» – 1920 году по-

севые площади Семиречья возросли на 64 % [4].

Как и во все периоды истории, крестьянство, следуя обыденным стереотипам отношения к власти, стремилось, если не полностью избежать, то скрыть объекты налогообложения. Тяжесть налогообложения была воспринята основной массой крестьянских хозяйств Семиречья как приемлемая (по сравнению с «проддиктатурой»), поэтому первая продналоговая кампания прошла довольно успешно.

В Верненском уезде налог на мясо (исчислялся и уплачивался в живом весе) был выполнен к 1 октября 1921 г. (а налог продолжали сдавать вплоть до 15 февраля 1922 г.) почти на 100 %, на зерновые – 93, травофураж – 94, зернофураж – 130 %. В Капальском уезде налоговые задания по этим видам сельхозпродуктов были выполнены, соответственно, на 104, 102, 85 и 95 %; Джаркентском – на 159, 87, 81 и 150 %; Лепсинском уезде на скот – 101, зерновые – 103, травофураж – 94 и зернофураж – 126 % [3]. В целом же по Семиречью налоговые поступления составили по отношению к плановым заданиям почти 115 %. В счет продналога было сдано 2657 тыс. пудов хлеба, что вывело Семиречье на второе место среди всех областей Туркестанской республики [11, с.227].

Налоговая политика, по своей сути, способна выступать как стимулятором, так и депрессантом экономического роста. Большевики же при этом использовали налоги к тому же и в качестве социально-политического регулятора, то есть, они активно пользовались властью для подавления, или хотя бы,нейтрализации, несоциалистических укладов. Однако, такая ориентация в налоговой политике стала очевидной со второй половины 1920-х годов. Пока же чуть не «опрокинутая» военно-коммунистическим хаосом власть отодвинула социаль-

но-регулятивную функцию налогов на задний план, стремясь выжить из них именно стимулирующий потенциал. И опыт первой налоговой кампании показал, что это ей в значительной мере удалось.

Так при проведении кампаний по продналогу были выявлены и слабые стороны в его нормативной базе. Они заключались, прежде всего, в чрезмерной множественности налогов. Поэтому 17 марта 1922 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли декрет «Об едином натуральном налоге на продукты сельского хозяйства» [18, с.284]. Согласно декрету все прежние виды натуральных налогов заменялись единственным натуральным налогом.

Почти через месяц, 11 апреля 1922 г., аналогичный декрет был принят ЦИК Туркестанской АССР и, наконец, 25 мая Джетысуйский (22 апреля 1922 г. Семиреченская область была переименована в Джетысуюскую) облисполком издал приказ «О натуральном продовольственном налоге на 1922–1923 гг.». Первоначально натуральный продовольственный налог был исчислен для Джетысу в переводе на так называемые «пшеничные единицы» (в которые по определенному коэффициенту переводились все подлежащие налогообложению продукты) в размере 5464479 пудов. Но, ввиду постигших области стихийных бедствий (засуха, неурожай и т.д.), его сумма была снижена на 2 млн. пудов. Эти налоговые обязательства были выполнены на все 100 процентов. «Мясной» же налог был сдан на 110 % (частично это объяснялось выявлением скрытых объектов налогообложения, т.е. скота). По этому налогу было получено 18,6 тыс. голов крупного рогатого скота и 64,6 тыс. голов мелкого рогатого скота (из этого стада в Центр было направлено 15,2 тыс. голов крупного и 32,3 тыс. мелкого рогатого скота) [15, с.127].

С развитием тенденций к

денатурализации крестьянского хозяйства и усилившимся втягиванием его в сферу товарно-денежных отношений натуральный налог стал утрачивать свою значимость. В этой связи на следующий, 1923/24 год вводился единый сельскохозяйственный налог, который устанавливался в натурально-денежном варианте, исчислялся в натуральных единицах, а взимался частью натурой, частью деньгами, т.е. имел уже некую переходную, натурально-денежную форму.

Для стимулирования процесса дальнейшего расширения сферы товарно-денежных связей на аграрной периферии в 1924/25 году была осуществлена коммутация налогов, другими словами, - замена их натуральной формы на денежную. Единый сельскохозяйственный налог с этого года стал исчисляться в твердой валюте (в роли которой выступали после денежной реформы 1922–1924 гг. червонцы, ходившие в обращении наряду с так называемыми «совзнаками») и взимался только лишь в денежной форме [1, с.31].

Как выяснилось, из бюджетов крестьянских хозяйств доля налогов в совокупном расходе среднего крестьянского хозяйства была незначительна [14]. Тяжесть налогообложения в первой половине 1920-х годов была для среднего крестьянского двора действительно приемлемая. Это подтверждали следующие данные: в довоенные годы прямые и косвенные налоги на душу крестьянского населения составляли (в соизмеримых ценах) 10 руб.37 коп., во время разверстки – 10 руб.30 коп. (а с учетом трудовой и гужевой повинности гораздо больше), а в 1921/22 г. – 6 руб.11 коп., в 1922/23 г. – 3 руб.96 коп. и в 1923/24 – чуть более 3 руб. [1, с.32].

Отсюда понятна та насыщенность архивов документами, подтверждающими в целом нормальное отношение кресть-

янства Семиречья к налоговой политике, которое уже не будет таковым в конце 1920-х годов. В этой связи представляется характерной выдержка из резолюции беспартийной крестьянской конференции Саркандской и Коктерекской волостей. По поводу сельскохозяйственного налога 1924/25 г. здесь говорится следующее: «Советское правительство, идя по пути оздоровления хозяйства аула, кишлака и деревни, произвело снижение единого сельскохозяйственного налога на 40 %, чем освободило беднейшие крестьянские и дехканские хозяйства от налога, а также дало 60 % поступлений налога на нужды деревни, что в большой степени дало возможность улучшить хозяйственную...мощь деревни, аула и кишлака, почему конференция приветствует Советское правительство ..., идущее вышеуказанными мероприятиями на помочь деревне, кишлаку и аулу» [20].

Важнейшим моментом нэпа, являлось, расширение сферы обмена, которая начинала все в большей степени опосредоваться рыночными, товарно-денежными отношениями.

Для этого восстанавливались прежняя торговая инфраструктура. Например, в Джаркентском уезде уже во второй половине мая 1921 г. были открыты пять так называемых вольных базаров. Кроме того, раз в две недели функционировали ярмарки в городе Джаркенте, в Большом Оганахе, селе Вишняковском, станице Подгорной [15, с.73]. Восстановили свое былое значение Каркалинская ярмарка, которая после включения Джетысуйской области в состав КАССР приобрела статус краевой (наравне с такими, как Темирская, Уильская, Куяндинская ярмарки). В 1922 г. ее торговый оборот составил чуть менее 100 тыс. руб. [19].

Высвободив функцию товарно-денежных отношений и допустив свободу торговли,

власть тем самым вызвала к жизни стихию товарно-рыночной тенденции. Пытаясь всячески сопротивляться ее объективному действию, Советы выдвинули в качестве одного из приоритетов своей политики в условиях нэпа лозунг «Учиться торговать!». В сфере обмена это понималось как мобилизация государственных и кооперативных торговых организаций на борьбу с частником. Если в оптовой торговле, благодаря откровенной дискриминации частного сектора, всей силой государства это удавалось, то в сфере розничной торговли частник завоевал абсолютно доминирующие позиции.

По данным на 1925 г. в совокупном товарообороте розничной торговли удельный вес госторговли едва превышал 1%, тогда как на кооперацию приходилось 14, а на частный сегмент – 84,7 % [16, с. 406-407].

Процесс восстановления промышленности в значительной степени нарастал благодаря радикальной смене характера стимулирования производства. «Военно-коммунистическая» система внеэкономической мотивации труда с ее уравнительно-пайковым вознаграждением и апелляцией к политико-идеологическим аргументам с введением нэпа уступила место стимулам экономического характера.

Начиная со второй половины 1921 г., государство начинает постепенно возвращаться от пайкового обеспечения к заработной плате. При этом в последней повышалась доля денежной части и уменьшался сегмент натуральной. Уже в начале 1923 г. натуральная часть зарплаты составляла всего 7 %, тогда как в начале 1921 г. на нее приходилось 86 % общего заработка рабочего. С завершением денежной реформы в 1924 г., рабочим стали выдавать заработную плату исключительно в денежной форме.

К началу 1924 г. реальная зарплата рабочих достигла в

среднем 70 % уровня 1913 г. (в 1920 г. – 20 %). В некоторых отраслях заработка занятых в них рабочих приблизился к уровню 1913 г. еще ближе: в текстильной промышленности он составил 86%, кожевенной – 89 %, пищевой – 93 % [13, с.223-224].

Важно отметить, что в государственном секторе промышленности увеличение зарплаты существенно обгоняло рост производительности труда. Например, на госпредприятиях кожевенной отрасли Джетысу производительность труда выросла в 1923/24 г. по отношению к 1922/23 г. на 18 %, в 1924/25 г. – на 30 %, а зарплата рабочих, соответственно, выросла на 56 % и 83 %.

С ростом экономики появилась новая проблема - железнодорожные коммуникации. Важное значение для региона приобретало строительство Семиреченской железной дороги. Оно было начато еще в 1914 г. в направлении Арысь-Пишпек, а к середине 1917 г. был проложен участок пути Арысь-Бурное [6, с.36].

В октябре 1923 г. Совет Труда и Обороны СССР создал Совет по строительству Семиреченской железной дороги во главе с наркомом путей сообщения Ф. Дзержинским. На строительстве трудилось 2300 человек. Общая стоимость строительства, согласно смете, составила 4,5 млн. рублей. 9 августа 1924 г. открылось движение поездов по участку Аулие-Ата-Пишпек [16, с.461].

Семиреченская железная дорога связала регион со Средней Азией и центром страны, чем вывела производительные силы области на качественно новый уровень.

Одним из подтверждений того, что народное хозяйство стало функционировать во многом под прямым воздействием принципов рыночной экономики, стало оживление кооперативного движения.

При этом нельзя не отме-

тить, что в Семиречье коопeração имела определенные традиции. В начале XX века начала зарождаться кредитная коопeração, а чуть позже – потребительская. На начало 1917 г., как фиксировала сельскохозяйственная перепись того года, почти в каждой «русской» волости, существовали потребительские общества, а по всему Семиречью их насчитывалось около 200. Характерно, что семиреченские структуры потребкоопeraции накануне Октябрьской революции имели непосредственные связи с Московским Центром – союзом потребительских обществ.

Что касается сельскохозяйственной и промыслово-кустарной коопeraции, то она не получила сколько-нибудь заметного развития в регионе.

Членство в кредитной и потребительской (сбытовой и снабженческой) коопeraции позволяло хозяйствующим субъектам получать доступ к льготным финансовым ресурсам в целях развития собственного производства, выдерживать рыночную конкуренцию, приобретая товары по более низким ценам (посредством оптовых операций), а продавая по высоким [1, с.61]. Поэтому не случайно наиболее интенсивную динамику демонстрировала именно кредитная и потребительская коопeraция. Причем она, в отличие от коопeraции сельскохозяйственной и промысловоремесленной, охватывала довольно значительную часть казахского населения.

В Джетысу отделение ЦСХБ (Центральный сельскохозяйственный банк) начало работу в начале 1924 г., а уже через полгода в области насчитывалось около 7300 хозяйств, из которых половина – казахских [2]. На 1 октября 1925 г. в Джетысуйской губернии было зафиксировано 155 товариществ с кредитными функциями, объединивших более 24 тыс. членов [9, с.408-412]. Однако нередко кредиты оказывались малодей-

ственными в силу того, что вместо их концентрации на экономически рентабельных хозяйствах, они распылялись среди множества маломощных дворов, возвратность кредита была низка ввиду того, что большая часть кредита буквально проедалась. В результате средняя сумма кредитной ссуды в Джетысу не превышала 40-45 руб., что, конечно же, было крайне недостаточно для широкого развертывания хозяйственной деятельности.

Определяя содержание нэпа как борьбу социалистических начал с рыночной стихией, запущенной высвобождением товарно-денежных отношений, свободы торговли и частно-предпринимательской инициа-

тивы можно говорить о том, что чаша весов на территории Семиречья склонялась в пользу последней тенденции.

Пробуждение крестьянского хозяйства от апатии было вызвано созданием системы экономической мотивации. Познав ее стимулы, именно крестьянский двор вытягивал сельское хозяйство из глубочайшего кризиса периода «военного коммунизма», а вовсе не социалистические структуры агросферы, созданные властью, - коммуны, совхозы, производственные сельхозартели.

В промышленности именно частные и кооперативные кустарно-промышленные предприятия в достатке насыщали рынок потребительскими товара-

ми, тогда как государственные предприятия оказывались сплошь и рядом убыточными.

В сфере обмена кооперативный сектор формировал большую часть розничного товарооборота, в то время как государственная торговля занимала в этом отношении более чем скромные позиции.

Смешанная экономика, сформировавшаяся в годы нэпа и представленная целым рядом социально-экономических укладов, работая на принципах рыночной конкуренции, дала такой мощный и быстрый экономический эффект, который в последующие периоды советской истории никогда так и не удалось повторить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абылхожин Ж.Б. Очерки социальной-экономической истории Казахстана. ХХ век. – Алматы: Фылым, 1997. – 312 с.
2. Алматинский областной архив, ф.361, оп.1, д.292, л.268.
3. Алматинский областной архив, ф.405. оп.1, д.808, л.537.
4. Алматинский областной архив, ф.666. оп.1, д.163, л.61.
5. Большая Советская Энциклопедия. Т. 23. 3-е изд. – М.: «Советская Энциклопедия», 1976. – 640 с.
6. Даушлейгер Г.Ф. К истории Семиреченской железной дороги // Ученые записки Казахского Государственного университета им. С.М. Кирова. - Алма-Ата, 1950. Т.13. Вып.4. - С.32-43.
7. История Казахстана и Центральной Азии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 616 с.
8. История Казахстана: народы и культуры. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 600 с.
9. Обзор народного хозяйства Казахской АССР, 1925. - Самара, 1927. – 494 с.
10. Отчет о деятельности Джетысуйского областного экономического совещания за 1921/22 хозяйственный год Туркестанскому экономическому Совету. – Ташкент, 1923. – 216 с.
11. Отчет о деятельности СНК и ЭКОСО Туркестанской Республики на 1 октября 1922 года. – Ташкент, 1923. – 352 с.
12. Правда (Верный), 15 мая 1921 г.
13. Рабочий класс Казахстана в период перехода к социализму (1917-1937). Т.1. - Алма-Ата: Наука, 1987. – 378 с.
14. Рукописный фонд Института истории и этнологии МОН РК. Изв. №141, л.67.
15. Советское строительство в аулах и селах Семиречья. – Алма-Ата: «Наука», 1982. – 287 с.
16. Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период. Сборник документов и материалов. – Алма-Ата: «Наука», 1962. - 530 с.
17. СУ РСФСР, 1921. №20.
18. СУ РСФСР, 1925. №25.
19. ЦГА РК, ф.5, оп.5, д.59, л.10.
20. ЦГА РК, ф.224, оп.1, д.14, л.14-15.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

МОН РК – Министерство образования и науки Республики Казахстан

СУ РСФСР – Собрание указов РСФСР

ЦГА РК – центральный государственный архив Республики Казахстан

Авторы статьи:

Илюшин

Андрей Михайлович

– докт. истор. наук, доц. каф. отечественной истории, теории и истории культуры

Капекова

Гульнара Абдуллаевна

- канд. экон. наук, проф., ректор Жетысуского международного гуманитарного Института, г. Талды-Корган (Казахстан)